

10. Николай Кузанский. Охота за мудростью // Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – С. 343-416.
11. Протопопов И.А. Проблема существования Бога и вопрос о бытии в философии Канта. – СПб.: СПбГУАП, 2010. – 652 с.
12. Хайдеггер М. Тезис Канат о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 361-381.
13. Франк С.Л. К истории онтологического доказательства // Франк С.Л. Предмет знания. Душачеловека. – СПб., 1995.

Т.И. Липич, В.В. Липич

РОМАНТИЗМ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: диалог культур, романтизм, философия, литература.

Резюме: В статье рассматривается русско-польский диалог культур первой половины XIX века через призму становления и развития русского литературно-философского романтизма. Это время характеризуется особыми отношениями между литературой и философией. Происходит своеобразный диалог между ними. Философия и литература способствуют формированию духовного облика нации, содействуют её нравственному воспитанию. Романтизм сформировал во многом русскую и польскую литературу.

T.I. Lipich, V.V. Lipich

ROMANTICISM IN THE RUSSIAN-POLISH DIALOGUE OF CULTURES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: romanticism, dialogue of cultures, philosophy, literature.

Summary: The article deals with the Russian-Polish dialogue of cultures in the first half of the XIX century through a prism of formation and development of the Russian literary and philosophical romanticism. This time is characterized by the special relations between literature and philosophy. There is a peculiar dialogue between them. The philosophy and literature promote formation of spiritual shape of the nation and contribute to its moral education. Romanticism has formed Russian and Polish literature in many respects.

Идеология эпохи разочарования в просвещенческих идеалах и Французской революции порождала новые смыслы, которые отражались в текстах романтиков и обладали концептуальностью, характеризующейся новым духовно-практическим освоением мира, где с особым вниманием рассматривается отдельная личность, её внутренний мир. Философия романтизма создавала новое философское мировоззрение, основанное на особом художественном способе осмысления мира, природы, где главной отличительной чертой является стремление личности к обретению своей свободы, а также особый интерес к духовной истории человечества. Русский литературно-философский романтизм, возникший в эпоху переходности, не порывал полностью связь с Просвещением, а синтезировал свои идеи, обратившись к истории народной жизни, к историческим и литературно-философским текстам, что способствовало образованию в России основ национальной культуры. Русский литературно-философский романтизм рождался в результате диалога культур.

Изучение диалога культур сегодня становится особенно актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания, культуры в целом раздвигает границы общения между народами, государствами и цивилизациями. Это способствует лучшему познанию и обогащению национальной культуры, цивилизации и человека. В свое время И.Г. Гердер выделял взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия и отмечал, что познание своей культуры, самих себя возможно через познание других культур, поскольку «ни один народ не достиг культуры сам по себе» (Гердер, 1977. С. 477).

Понятие диалога культур в современной философской литературе трактуется весьма широко. В XX веке идеи диалога вошли в ткань философского мышления и получили все большее распространение от этических и эстетических проблем у М. Бубера и М. Бахтина до анализа человеческого бытия как «диалогической жизни», «диалогичности» В. Библера и анализа внутреннего диалога, изучения диалогической природы человеческой речи Л. Выгодского.

Для рассмотрения и анализа диалога культур необходимо уточнить такие исходные, базовые концепты, как «культура», «общение», «диалог», «коммуникация», «взаимодействие», «влияние», «взаимовлияние». При огромном количестве разнообразных смысловых наполнений понятия «культура», подходов к её изучению нам близка позиция В.С. Библера, который определяет культуру как форму одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур (Библер, 1989). Следовательно, культура – это общение, природе которого анализировали очень многие, начиная с греков и заканчивая исследователями XX века – К. Ясперс, М.С. Каган, М.М. Бахтин и др. М.М. Бахтин утверждал, что культура – это форма общения людей разных культур (Бахтин, 1979). Она есть там, где есть как минимум две культуры, а самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой. На этом основании культура рассматривается как механизм самодетерминации индивида. *Общение*, по Ясперсу, – это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение» (Ясперс, 1978. С. 324). В общении, в культурно-коммуникативных практиках стороны ищут точки соприкосновения, некие общие позиции, в результате чего борьба мнений переходит в диалог. В этом случае субъект относится к другому как к субъекту.

Диалог культур предстает как наиболее яркая форма общения культур и как результат взаимного общения культур. Общение в рамках субъектно-объектных отношений можно назвать *взаимодействием*, которое характеризуется как всеобщая форма связи явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Некоторые исследователи выделяют *партнерское взаимодействие-диалог*, когда происходит не навязывание, а взаимодействие двух и более культур (Уразметов, 2005. С. 43-51). В.В. Зеньковский выделяет понятие «влияние» в связи с отношениями Запада и России. Под этим понятием он подразумевает такие отношения, которые предполагают у обеих сторон, по меньшей мере, некую самостоятельность и оригинальность (Зеньковский, 2001. С. 23-24). Что же касается понимания *взаимовлияния*, то это процесс воздействия друг на друга субъектов культуры или культур, которое вызывает обоюдные изменения. Итак, культура по своей сути диалогична с момента своего зарождения. В.М. Межуев отмечает, что диалог возможен между людьми, которые находятся на одном уровне цивилизационного развития и связаны, кроме всего, некой системой ценностей (Межуев, 2004). Культура, общение культур есть общение индивидов как личностей, поэтому здесь важно признание самоценности всех сторон, участвующих в диалоге. В диалоге культур каждая культура реализует себя как отдельная, самобытная, неисчерпаемая в своей неповторимости (Библер, 2001. С. 299). Возможность диалога можно отметить только тогда, когда субъект начинает осознавать и выделять свою индивидуальность, идентификацию через связь с другими, через свою обусловленность другими. Рассматривая диалог как единственно возможную форму со-бытия людей, Бахтин справедливо утверждал: «Чужие сознания нельзя

созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними» (Библер, 2001. С. 146-147). Диалог, по Бахтину, не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма события, существования «Мы» в «Они» и «Я» в «Другом». Общение личностей и культур в диалоге, в рамках определенного дискурса, происходит благодаря некоторым составляющим общения, например, символу, тексту. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им (Бахтин, 1979. С. 424).

Идеи диалогизма в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивались представителями тартуско-московской культурологической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и другие). Так, Ю.М. Лотман указывал на следующее семиотическое свойство диалога: диалог возможен лишь тогда, когда его участники одновременно различны и имеют в своей структуре семиотический образ контрагента. «Поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точкой зрения, е д н ы й т е к с т , а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен» (Лотман, 1992. С. 19). Таким образом, для того чтобы общаться с другой культурой, культура должна быть, с одной стороны, открыта для диалога, а с другой, – интериоризировать образ внутри своего мира.

Говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, Ю.М. Лотман также указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами всякого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность передающего и принимающего, во-вторых, выработка общего языка общения. Этот процесс делится на этапы: сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке. Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Нам близка мысль В.С. Библиера, который считал, что «культура способна жить и развиваться (как культура) только на границе культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми “на себя”, на выход за свои пределы, культурами» (Библер, 2001. С. 31-42). Он отмечал, что каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. *А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культур.*

Европейские культуры существуют в едином пространстве европейской цивилизации. Иначе говоря: есть общий язык, на котором они говорят и понимают друг друга. В каждой национальной культуре находится то, что объединяет и отличает их. В такой ситуации возможен диалог. По нашему мнению, *диалог* – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленный на развитие этого процесса и на саморазвитие его участников. Особенность диалогизма России – в органичности ее пространства (культурного): у нее есть общая (во всех смыслах) граница с Европой, есть общая граница с Азией, но есть и свое, автономное пространство, делающее ее особым субъектом взаимодействия с другими.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. Это же можно отнести также и к духовной ситуации в Польше начала XIX века. В этой ситуации зарождалось национальное самосознание. В начале XIX века в России происходит дальнейшее формирование русского национального языка, русской литературы, русской философской мысли. На эти процессы в России оказал большое влияние диалог с французской, английской, немецкой и славянскими культурами, в частности, польской культурой. Это время характеризуется особыми отношениями между литературой и философией. Происходит своеобразный диалог между ними.

Диалог философии и литературы порождает в определенную историческую эпоху своеобразное литературно-философское мировоззрение, которое оказывает определенное влияние на развитие в целом культуры. Такая интеграционная связь философии и литературы проявляется особенно отчетливо в романтизме, в котором впервые в истории европейской культуры философия и литература удивительно синхронно обратились к исследованию внутреннего мира человека.

В диалоге России и Европы в начале XIX века романтизм предстает как специфический тип философско-эстетического и литературно-философского сознания, как стиль литературно-художественного поведения, определяющий и особую форму самосознания личности. Весь XIX век пронизан диалогичным общением культур различных стран. В диалоге культур предполагается восприятие культурных ценностей различных народов, их взаимовлияние, взаимопроникновение. Как общественное явление, романтизм сыграл очень большую роль в польской культуре, надолго определив её облик. Первая половина XIX века характеризуется особыми отношениями между представителями русской (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, славянофилы) и польской культур (А. Мицкевич, Ю. Словацкий, З. Красиньский, Э. Одынец, Т. Зан и др.). Этот вопрос очень внимательно и скрупулезно исследуют такие современные российские авторы как Благой Д.Д., Завьялова А.А., Кушаков А.В., Стахеев Б.Ф., Хореев В.А. и др.

Особенно созвучны и близки были творческие позиции А. Пушкина и А. Мицкевича, творчество которого было впервые признано не в Польше, а в России. Более того, романтическая система ценностей способствовала формированию в сознании русских людей особого образа Польши, польского народа, стремящегося к независимости. Поэтому вопросу отношения Польши и России польские романтики посвящали большую часть своего творчества. Безусловно, можно проследить различные литературные и философские переключки в творчестве русских и польских романтиков, однако мы не ставили перед собой такой всеохватной задачи, потому как рамки данной статьи не позволяют этого сделать, поэтому авторы ограничились только некоторыми художественными параллелями на примере творческих взаимодействий Пушкина и Мицкевича.

Ярким представителем польского романтизма являлся Адам Мицкевич, как наиболее значительный и широко известный славянский поэт. Об Адаме Мицкевиче можно сказать, что он был одним из наиболее ярких и талантливых представителей польского демократического романтизма. В своей поэме «Дзяды» Мицкевич развивает национальное начало польской литературы.

Он был поэтом, отразившим в своем творчестве интересы угнетенного польского народа, об освобождении которого мечтал Мицкевич как гражданин и патриот. Эти идеи сближали его с декабристами. Все самые смелые революционно-демократические настроения нашли свое воплощение в вольнолюбивой лирике молодого Мицкевича. Известно, что с 1824 по 1829 гг. А. Мицкевич жил в России. Этот факт стал определяющим в формировании мировоззрения и эстетических взглядов польского поэта. За свои демократические настроения и революционные взгляды Мицкевич был выслан из Польши, зато в России передовая русская интеллигенция оказала ему самый радушный прием. Мицкевич очень быстро подружился с Рылевым, Бестужевым, Пушкиным, Вяземским, Козловым, Дельвигом, Веневити-

новым, Баратынским, Жуковским; встречался с Грибоедовым. Проявлялась общность идейных устремлений и литературных интересов. Русские поэты во многом благодаря этой дружбе знали польский язык и были хорошо знакомы с польской литературой. Стихи Мицкевича переводили Вяземский, Козлов, Рылеев.

Представители передовой русской интеллигенции с большим интересом и вниманием относились к творчеству Мицкевича, приветствовали появление написанных им в России «Крымских сонетов» и поэмы «Конрад Валленрод». Сам Мицкевич впоследствии говорил, что период пребывания в России был одним из счастливейших в его жизни.

Особо необходимо отметить дружеские отношения Мицкевича с Пушкиным, который очень ценил его литературный талант.

Следует также подчеркнуть, что и Мицкевич, в свою очередь, с огромным уважением относился к Пушкину, его самобытному таланту.

В своей статье «Пушкин и литературное движение в России» (1837) Мицкевич пишет о Пушкине как о «вожде интеллектуальной оппозиции» в России.

Современная исследовательница А. Ковальчикова (Ковальчикова, 2007. С. 5-18) достаточно обстоятельно рассматривает эволюцию эстетических концепций в период романтизма, что позволяет соотнести взгляды русских и поляков, выделить общее и различия. Романтический стиль в европейском искусстве проявлялся в разных странах своеобразно. В частности, она отмечает, что у Пушкина и Мицкевича было много общего: один и тот же круг общения, зависимость от одних и тех же царей – Александра I, Николая I, одна и та же цензура, репрессии, после которых Мицкевич отправился в Западную Европу, а Пушкин остался во власти царя, лишившись, таким образом, свободы, что, в конце концов, и привело его к гибели.

Ап. Григорьев на примере творчества Пушкина говорил о формировании русского национального самосознания. Отстаивая права русской культуры на самобытность, поэт в то же время подчеркивал и уникальность других культур, в частности, украинской и польской. Эпоха романтизма способствовала формированию национальных культурных менталитетов многих народов. Как верно отмечал В.В. Зеньковский, «романтизм везде имеет национальную окраску, нет романтизма вообще, а есть немецкий, французский, английский романтизм – всюду различный» (Зеньковский, 1997. С. 156). Польские романтики ассоциировали себя со страдательным началом, поработленным царской Россией. Отсюда – своеобразный польский романтизм с присущей ему идеологией, мировосприятием и сознанием.

Многие польские и российские исследователи считали и считают, и в этом с ними можно согласиться, что именно романтизм сформировал польскую душу, польскую литературу. Почему же сегодня не утратил своей актуальности анализ эпохи романтических движений в различных странах? На наш взгляд, прежде всего потому, что романтизм – это особая форма постижения действительности, особый метод познания, основанный одновременно и на вере в разум, и на вере в откровения чувств. И.И. Замотин отмечал, что в романтизме «открывается взору наблюдателя целое мирозерцание; романтики как бы вновь строили всю философию жизни» (Замотин, 1913. С. 1).

Список источников и литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [в кн.:] С.Г. Бочаров. (сост.). – М., 1979.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 299.
4. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 1997.

5. Замотин И.И. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20 – 30-х гг. – СПб., 1913. – Т.2. – С. 1.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.
7. Ковальчикова А. Идеология и искусство: исторические события и эстетические концепции, [в кн.:], Хорев В.А. (ред.) Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. – М., 2007. – С. 5-18.
8. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи: В 3 тт. – Таллинн, 1992., Т.1.
9. Ясперс К. Современная буржуазная философия. – М., 1978.
10. Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий. – Оренбург, 2005.
11. Зеньковский В.В. История русской философии. – М., 2001.
12. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема. – М., 2004.

А. В. Ляхов

**СОВЕТСКИЙ НАРОД КАК «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ»
(НРАВСТВЕННЫЕ ИТОГИ ОДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Ключевые слова: традиция, утопия, духовная культура, русская религиозная философия, идеология, религия, этика.

Резюме: В статье рассматривается столкновение традиции и утопии в контексте отечественной истории и духовной культуры. Раскрываются механизмы формирования утопического сознания, которое игнорирует философское самопознание человека. Проанализирована советская эпоха с точки зрения соотношения традиции и утопии.

A. V. Lyakhov

**THE SOVIET PEOPLE AS A NEW HISTORICAL COMMUNITY»
(MORAL RESULTS OF A HISTORICAL EXPERIMENT)**

Key words: tradition, Utopia, spiritual culture, Russian religious philosophy, ideology, religion, ethics.

Summary: This article discusses the clash of tradition and utopia in the context of national history and spiritual culture. Here disclosed mechanisms of formation of utopian consciousness, which ignores the philosophical self-knowledge of man. Analyzed the Soviet era in terms of relations between tradition and utopia.

Духовно-нравственное состояние российского дореволюционного общества представляло собой достаточно сложную и неоднозначную картину. С одной стороны, активизировалось взаимодействие богословия и философии, Церкви и культуры, происходившее на религиозно-философских собраниях в Москве и Петербурге в начале XX века; с другой стороны, активизировались нигилистические тенденции в широких слоях общества. Самой значительной попыткой осмыслить духовное, нравственное политическое, социальное состояние отечественной интеллигенции леворадикального крыла, которая являлась главным инициатором нигилистических движений, был сборник «Вехи», вышедший в 1909 году, собравший виднейших представителей религиозно-философской мысли своего времени (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве и др.).